

DOI 10.31250/2618-8600-2022-1(15)-79-104

УДК 392.8(5+265-192.2)

М. В. Станюкович

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8928-4844
E-mail: mstan@kunstkamera.ru

Кинофагия. Собачатина как обрядовая, повседневная, нечистая, лечебная, мужская пища австронезийских и австроазиатских народов и как предмет колониального дискурса*

АННОТАЦИЯ. Собака сопровождала расселение *Homo sapiens* от тропиков до Арктики. Производственные и личные отношения человека с собакой (так же как с коровой, лошастью) сочетались с употреблением ее в пищу. Пищевые запреты — всегда результат структурирования мира, закрепленного в верованиях и религиозных предписаниях. Отношение к кинофагии в авраамических религиях было отрицательным, оно варьировало от отсутствия собаки в списке разрешенных «пищевых» животных, нормы заботы которых были прописаны в священных книгах иудеев и христиан, до строгого запрета в исламе. Отсюда стигматизация кинофагии и превращение ее в важный пункт колониального дискурса, противопоставления «цивилизованных» народов «диким». В Азиатско-Тихоокеанском регионе, от Океании до российского Дальнего Востока, в Юго-Восточной Азии, Китае, Корее собачатина до наших дней входит в повседневный рацион, однако этой привычки стыдятся, приписывают ее другим — народам соседних стран, «кореным народам» — анимистам, у которых собака сохраняет функцию жертвенного животного в лечебных и похоронных ритуалах. Собачье мясо повсеместно считается целебным, часто — «мужской пищей» и афродизиаком. Южная Корея до недавнего времени вела борьбу за легитимацию кинофагии в русле дискурса национальной идентичности и сохранения традиций, однако уже ясно, что эта битва проиграна. Потребление собачатины уходит в «серую зону» под давлением общей вестернизации, движения за права животных и новой для рассматриваемого ареала тенденции содержать собак как домашних питомцев. В статье рассматриваются эти процессы, проиллюстрированные полевыми материалами автора, которые собраны в Юго-Восточной Азии, в первую очередь на Филиппинах (1995–2020) и в Камбодже (2015, 2017).

* Я благодарна моим филиппинским информантам, а также коллегам Томасу Гибсону, Флою Кинтосу, Раулю Пертьерре, Розарио де Сантос, Бернау Селлато, Е. Е. Левкиевской, А. Г. Козинцеву, А. А. Бородатовой и С. Ю. Дмитренко за полезные замечания и консультации в процессе подготовки этой статьи, Е. М. Беляковой за любезное разрешение использовать фотографии, сделанные ею в Папуа, и перевод статьи Р. Марьоне с индонезийского.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А : пища, собака, Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я : Станюкович М. В.
 пищевые запреты, авраамические религии, Кинофагия. Собачатина как обрядовая,
 отношения «человек — животное», повседневная, нечистая, лечебная, мужская
 колониальные исследования, Филиппины, пища австронезийских и австроазиатских
 Юго-Восточная Азия, национальная народов и как предмет колониального
 идентичность, кинофагия дискурса. *Этнография*. 2022. 1 (15): 79–104.
 doi 10.31250/2618-8600-2022-1(15)-79-104

M. Stanyukovich

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
 (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
 St. Petersburg, Russian Federation
 ORCID: 0000-0001-8928-4844
 E-mail: mstan@kunstkamera.ru

Dog Meat as a Ritual, Staple, Unclean, Medicinal, Male Food and as a Subject of Colonial Discourse

ABSTRACT. The dog followed Homo sapiens on his journey from the tropics to the Polar zone. Interaction, cooperation, and personal relationships of humans and dogs — as with a cow or horse — were combined with dog meat consumption. Food prohibitions are always a way to structure the world, often framed as religious regulations. Dog meat was largely banned in Europe and the Near East by the Abrahamic religions and was stigmatised. The forbidden practice became, in turn, a point of colonial discourse, contrasting “civilized” nations to “savages”. In Asia-Pacific, Southeast Asia, China, and Korea, dog meat is still used. However, it is considered shameful and attributed exclusively to indigenous ethnic groups. Dog meat is endowed with medicinal properties, often seen as “male” food and an aphrodisiac. The only country that openly fought for the legitimization of dog eating was South Korea. There, it was seen as a tradition and part of national identity. However, even there, the pressure of Westernization and the influence of champions of animal rights is so strong that the battle is probably lost. Dog meat consumption moves into a grey zone. This paper looks into the aforementioned issues, using the author’s materials collected in the course of anthropological fieldwork in Southeast Asia, primarily the Philippines from 1995 to 2020 and in Cambodia in 2015, 2017.

KEY WORDS: dog meat consumption,
 food, human-animal relationships, Abrahamic
 religions, Philippines, Southeast Asia,
 colonial studies, identity, food prohibitions

FOR CITATION: Stanyukovich M.
 Dog Meat as a Ritual, Staple, Unclean, Medicinal,
 Male Food and as a Subject of Colonial Discourse.
Etнография. 2022. 1 (15): 79–104. (In Russ.).
 doi 10.31250/2618-8600-2022-1(15)-79-104

... на рынках Парижа часто и часто являются конина, собачина и мясо других отвратительных животных.

П. В. Анненков. Письма из-за границы. 1841–1843

Любые интерпретации, которые рассматривают ветхозаветные «не делай» фрагментарно, обречены на неудачу. Единственно правильный путь — это забыть про гигиену, эстетику, мораль и инстинктивное отвращение <...> — и сосредоточиться на текстах.

Мэри Дуглас. Чистота и опасность

ВВЕДЕНИЕ

В применении к рассматриваемой теме второй эпитаф следует продолжить одним словом: сосредоточиться следует не просто на текстах, а на текстах культуры — чем, собственно, Мэри Дуглас и занималась в своих трудах. Попытки ввести в антропологию биологически обоснованную дисциплину «отвращениеведение» (disgustology) (Curtis 2013) оказались несостоятельными (Станюкович 2013). Этический подход — осуждение кинофагии ввиду близости человека и собаки — оказывается при ближайшем рассмотрении не только лишенным логики (а как же мать-кормилица корова; конь, опозитизированный как лучший друг, брат и соратник в культурах кочевников¹? Об этом см.: Reemot 2017), но и имеющим отчетливый колониалистский и отчасти расистский флер. Пища — один из основных маркеров национальной, религиозной, социокультурной идентичности, ключевых компонентов национальной системы ценностей. Пищевые запреты и предписания издревле были важнейшей частью самоидентификации человеческого коллектива, его противопоставления миру животных и миру духов, своей группы — другим человеческим группам, гендерной и социальной дифференциации внутри собственного социума (Арутюнов 1981; Арутюнов, Воронина 2001; Вкус Востока 2018; Вкус Европы 2020).

Нет оснований сомневаться в том, что первобытный человек, охотник, собиратель и падальщик, был всеядным (Harris 1998). Расселение человечества обусловило объективные различия в системе питания: разные климатические и ландшафтные зоны предоставляют разные природные ресурсы, диктуют разные занятия, в них растут разные растения и водятся разные животные. Эти ограничения, однако, не распространяются на собаку, первое прирученное животное, которое следовало за человеком, куда бы он ни переселялся. По-видимому, не было этнических

¹ Ср.: «В русской деревне хозяйка (жена домохозяйина) должна содержать корову. <...> А сама корова становится метафорой этого статуса и, собственно, женщины, в нем пребывающей» (Адоньева 2019: 137). О гиппофагии у тувицев см. (Reemot 2017).

групп, которых не сопровождали бы собаки в процессе расселения. В исключительных обстоятельствах собака могла быть на какое-то время утрачена, но неизбежно вновь приобреталась извне. Например, древние австронезийцы везли с собой в лодках собаку, курицу и свинью, однако на малых атоллах Океании, где не было возможности охотиться, собака стала восприниматься исключительно как «пищевое животное», и ее «съели до полного исчезновения» (Williams et al. 2018; Pollock 1986; Станюкович 2021; Stanyukovich, in press). В научной литературе высказываются даже предположения, что собака изначально была одомашнена не как охрана и помощник в охоте, а с целью использовать ее как источник белковой пищи (Khan 2009). В ряде культур Южной Америки, в Корее, Китае были выведены особые мясные породы собак; у австронезийцев и австроазиатов их нет, как нет ни пастушеских, ни тягловых и до недавнего времени не было декоративных. Во всех случаях, когда мы говорим о Юго-Восточной Азии, речь идет об охотничьих и сторожевых собаках.

Проблемы, рассмотренные в этой статье, лежат на пересечении нескольких тем: отношения «человек — животное», антропология/этнография питания/алиментарная культура/гастика, антропология религии, этническое самосознание/национальная идентичность, колониальные исследования.

Данные археологии свидетельствуют о том, что кинофагия в древности была присуща всем человеческим группам (Amano et al. 2013; Greig, Walter, Matisoo-Smith 2016; Greig et al. 2018; Losey et al. 2018; Ochoa et al. 2014). Следовало бы обсуждать не где и почему она наблюдается сегодня, а в каких культурах ее нет, когда и почему эти народы перестали употреблять собачатину в пищу. Обратимся еще раз к книге «Чистота и опасность»: «Никому не придет в голову есть собак, крыс или ящериц. Люди должны питаться мясом дичи, добытой в диком лесу стрелами или ловушками охотников» (Дуглас 2000: 245). Эти представления народа леле, живущего в Конго, то есть на континенте, где расположены наиболее известные кинофагией страны (Гана, Нигерия), — отличный пример точечных запретов, отграничивающих друг от друга разные этнические группы. Аналогичные этнодифференцирующие запреты мы находим практически везде. В Папуа, Индонезии народ дани ест собак, а короваи — нет. На о. Миндоро (Филиппины) не едят собак горцы буид и хануноо², а «христиане, напротив, считают собачатину большим деликатесом и подают ее на празднествах, например, на крестинах, а также как закуску (*pulutan*) к алкоголю» (Conklin 1975: 29; Gibson 2015: 171). На о. Борнео даяки не практиковали кинофагию, они

² Не потому, что воспринимают животное как нечистое, а потому, что считают его слишком близким человеку.

Рис. 1–2. Обед сборщиков клубней маниоки: похлебка из тыквы и барбекю из крыс и птичек. Маленькую ступку с пестиком взяли из дома для растирания специй.
Фото М. В. Станюкович, народ тампуан, провинция Ратанакири, Камбоджа. 2015

Fig. 1 — Fig. 2. Lunch of the Tampuan cassava tuber pickers: pumpkin soup and a barbecue made of rats and birds. A small mortar and pestle were taken from home to grind spices. Photo by Maria V. Stanyukovich. Ratanakiri province, Cambodia, 2015.

приобщились к ней недавно под влиянием переселившихся в их края батаков, минахасцев, тораджей, тиморцев³.

Что же касается других животных, табуированных у африканских леле, то, по статистике, крысы — важный источник белковой пищи в Индокитае, а ящерицы и вараны — обычная добыча охотника в тропиках. В 1995 г., за неполный год жизни на хуторе в горах пров. Ифугао (Филиппины), мне не раз случалось видеть добытых змей и варанов и убедиться, что мясо варана действительно напоминает по вкусу курятину (ПМА 1995). В Камбодже, где мы работаем с коренными народами, вараны тоже популярная добыча. Крысы здесь продаются как уличная пища (жаровни у дорог в пров. Баттамбанг); в пров. Ратанакири мужчины берут на полевые работы арбалеты, чтоб настрелять мелких птичек и полевых крыс для обеда (ПМА 2015, 2017).

Не следует думать, что это исключительно от бедности. Крысиное мясо подают в Индокитае и в дорогих ресторанах, что стало проблемой в пандемию: крысы могут разносить новые виды коронавируса (Крысы 2020).

ЖЕРТВЕННЫЕ И «ПИЩЕВЫЕ» ЖИВОТНЫЕ. КИНОФАГИЯ И ОППОЗИЦИЯ «ВОСТОК — ЗАПАД»

Пищевые запреты — всегда результат структурирования мира, закрепленного в верованиях и религиозных предписаниях. Австралийские аборигены практиковали ритуальное вкушение тотемного животного, которое считалось священным и неприкосновенным вне ритуала. Там же, где тотемические представления не просматриваются, все жертвенные животные — «пищевые». Потлач, устраиваемый как престижный обряд по поводу какого-нибудь ритуала жизненного цикла, традиционно сопровождался совместным поеданием и раздачей родственникам мяса принесенных в жертву животных. Список жертвенных животных необъятен у анимистов и шаманистов (Кондоминас 1968) и крайне ограничен в монотеистических религиях. Такова же ситуация с пищевыми запретами: анимисты едят все, кроме короткого списка запрещенного; список того, что не едят последователи больших религий, несравненно длиннее.

Древние иудеи, земледельцы, практиковавшие охоту очень ограниченно, в основном для охраны полей, считали собаку нечистой. Список разрешенных и запрещенных для еды животных есть в Ветхом Завете (Левит, глава 11). Христианство унаследовало с Библией общее представление о том, что чистые, предназначенные Богом для еды животные — жвачные и имеют раздвоенное копыто, чешую или

³ Электронное письмо Бернарда Селлато (Bernard Sellato) автору от 08.05.2021.

перья. Однако эти библейские положения трактовались не буквально и у различных народов по-разному. Свинья у христиан не была под запретом, хотя она и не жвачная; западные христиане ели голубей (голубятня у поляков = курятник), а православные — нет; восточные славяне и народы Балкан до недавнего времени считали нечистыми морепродукты (Новик 2020: 252; Левкиевская 2011: 40), в то время как во Франции, Англии и Италии они были частью национальной кухни. Меньше вариативности отмечалось в соблюдении пищевых запретов, касающихся цели/способа умерщвления животного: не есть идоложертвенных животных, удавленину и кровь. Однако и тут были региональные исключения (кровавая колбаса на Украине и в Германии). В отличие от ислама, в иудаизме и христианстве прямого запрета на кинофагию не было, но собака считалась нечистым животным, особенно в восточном христианстве (Архангельская 2020; Левкиевская 2011).

Археологические данные показывают, что у галлов, ирландцев и еще ряда европейских народов были многовековые традиции кинофагии, а масштаб ее во Франции в Новое время просто поражает (Mahler and Denis 1989; Milliet 1995). Законодательно запрет на собачатину был введен в Европе очень недавно и не везде (напр., его нет в Швейцарии, где 3% населения и сейчас считают мясо собак и кошек рождественским блюдом). Как европейцы сочетали терпимость к кинофагии внутри некоторых районов Западной Европы с глубоким отвращением к этим практикам у народов колоний — отдельная тема. Тем не менее кинофагия неевропейских народов была стигматизирована, и с самого начала экспансии в Азию превратилась в важный пункт колониального дискурса, противопоставления «цивилизованных» народов «диким». Никколо Конти, один из первых европейцев, посетивших Яву и Суматру в XV в., писал: «Эти острова населяют самые бесчеловечные и жестокие люди из всех. Они едят мышей, собак, кошек и всяких еще более грязных животных» (Возчиков 2019: 79).

Под влиянием современных западных норм, предписывающих обеспечивать права коренных народов, но при этом запрещающих традиционную кинофагию, правительства ряда стран ввели разграничение «жертвенных» и «пищевых» животных.

Рассмотрим эти установления на примере Филиппин. После запрещения кинофагии в стране (1998) собака причислена к так называемым непищевым животным. Приказ Министерства сельского хозяйства Филиппин (2007) содержит следующие правила жертвоприношения животных в обрядах:

С целью позитивной интеграции благополучия животных и человеческих практик в отношении таких животных, как собака, курица, свинья и буйвол, которыми список не исчерпывается, используемых в качестве жертвы

Рис. 3. В деревнях взрослые собак не гладят, только дети — изредка. Асипуло, провинция Ифугао. Фото М. В. Станюкович, народ ятгука, Филиппины. 2013

Fig 3. In the villages, adults do not pet dogs, only children occasionally. Photo by Maria V. Stanyukovich. Asipulo, Ifugao Province, Philippines, 2013.

Рис. 4. Девочка дани играет со своим щенком. Деревня Суроба, округ Джаявиджая, провинция Папуа, Индонезия. Январь 2015 г. Фото Е. М. Беляковой

Fig. 4. Dani girl plays with her puppy. Photo by Ekaterina M. Beliakova. Suroba village, Jayawijaya Regency, Papua Province, Indonesia, 2015.

или приношения во время различных религиозных ритуалов признанной религии или секты или обрядов, предписанных племенным или этническим обычаем коренных культурных сообществ <...>.

Чтобы предотвратить беспорядочный убой непригодных животных, таких как собака, под предлогом спиритуального, религиозного, племенного или этнического обычая коренного культурного сообщества, потребление мяса названных животных ограничивается только лицами, участвовавшими в церемонии или ритуале <...>.

Во время отправления религиозного обряда или ритуала, предписанного племенным или этническим обычным правом, лидер племени или любое лицо (лица), которое приносит в жертву животное или животных, должен обеспечить исключительно гуманные средства и способы, используемые для принесения в жертву. При жертвовании собаки единственный разрешенный способ — одним ударом перерезать острым ножом сонную артерию. (Administrative order # 25).

Знаменательно, что список жертвенных животных, где названы собака, курица, свинья и водяной буйвол, «которыми список не

Рис. 5. Собачатина на прилавке рынка Джибам в Вамене (территория дани). Округ Джаявиджая, провинция Папуа, Индонезия. Январь 2011 г. Фото Е. М. Беляковой

Fig 5. Dog meat on the counter of Jibama market in Wamena (Dani territory). Photo by Ekaterina M. Beliakova. Jayawijaya District, Papua Province, Indonesia, 2011.

исчерпывается», в самом деле перечисляет основных жертвенных животных Юго-Восточной Азии и, таким образом, упрочивает статус собаки в качестве жертвенного животного. При этом собака занимает особое положение в системе жертвоприношений, она не входит в *регулярную жертвенную пирамиду* (понятие, введенное в: Станюкович 2021):

Стандартный жертвенный набор можно представить как пирамиду, в основании которой лежат «бескровные» жертвы, обязательные для любого обращения к богам и духам, — компоненты бетельной жвачки (орех ареки, перечный лист и известь), рисовое вино, золотые украшения и тканая одежда (два последних элемента после большинства ритуалов возвращаются владельцам). Второй этаж пирамиды — жертвы с пролитием крови, здесь можно выделить три яруса: курица-петух, свинья, водяной буйвол (Станюкович 2021: 39).

В то время как все компоненты жертвенной пирамиды — дары и посланники, собака — защитник и воин. Ее функции гораздо важнее и значительнее. С этим связаны представления о целительных свойствах

Рис. 6. Коровайский пес Вава, слепой и беззубый, ест саговую лепешку. Хозяева кормят его, несмотря на то что старое животное бесполезно как сторож и помощник в охоте. Округ Асмаат, провинция Папуа, Индонезия. Февраль 2015 г. Фото Е. М. Беляковой

Fig. 6. The Korowai dog Wawa, blind and toothless, eats roasted sago. His owners feed him even though the old animal is useless as a guard and hunting aid Photo by Ekaterina M. Beliakova. Asmat District, Papua Province, Indonesia, 2015.

мяса, крови, жира собаки, которые, как нам кажется, универсальны, то есть существуют не в одном этническом или географическом ареале, а в той или иной степени у всех народов, практикующих кинофагию.

Практики кинофагии сегодня распространены гораздо шире, чем кажется; в бедных странах их скрывают, иногда даже начисто отрицают из-за того, что они ассоциируются с «дикостью», отсталостью и колониальностью, а также под давлением организаций, защищающих права животных. Популярными источниками выделяют — достаточно произвольно — Китай, Вьетнам, Индию, Нигерию, Южную Корею, Гану и Швейцарию (What Countries Eat Dogs 2022). «Собакоеды» (Dog-eaters) — распространенная инвектива для неевропейцев, в основном употребляется в разговорах о жителях Азии. В большинстве стран кинофагия официально запрещена (на Филиппинах — с 1998 г.), но продолжает практиковаться. Таково положение дел в Китае, Вьетнаме, Камбодже, Таиланде, Индонезии (Eijkelkamp 2015; Parker 1991; Podberscek 2007; Podberscek 2009; Weichart 2004). Южная Корея — единственная страна в мире, вступившая в борьбу против «глобализации морали», открыто защищавшая свои «культурные права»

и призывавшая к «принятию культурного разнообразия» (Lien 2004; Oh and Jackson 2011; Yoon 2016). Южная Корея, экономически сильная и политически независимая, могла позволить себе то, на что не решались более бедные страны. Однако противостоять «глобализации морали» не удалось и ей, международное давление оказалось слишком сильным. Летом 2021 г. президент Мун Чжэ Ин предложил законодательно запретить употребление собачатины (South Korea 2021). Китай громких международных заявлений не делал, однако «в целом китайский социум довольно остро реагирует на критику со стороны западных СМИ, заявляя о своем неотъемлемом праве придерживаться традиционной культуры потребления тех или иных продуктов, имеющей длинную историю» (Грачева 2018: 92).

ТЕХНИКИ ОТМЕЖЕВАНИЯ

Внутри тех стран, где кинофагия активно практикуется, ее (или ее происхождение), как любые осуждаемые черты, приписывают другим. Доминирующее равнинное население всегда приписывает собакоедение «деревенщинам» и «народностям» (национальным меньшинствам), которых в странах ЮВА и Дальнего Востока чаще всего называют обобщенным термином «горцы». Как уже было показано выше на примере анимистов и христиан острова Миндоро, это ни в коей мере не соответствует действительности — но отвечает отношениям доминирования, это «перекладывание вины» на безответного слабого. Общая картина, обрисованная для Китая, типична для многих других стран юга Азии: «Некоторые утверждают, что употребление в пищу собачьего мяса привнесено извне (из Кореи). Другие говорят, что поедание мяса собак распространено среди малообразованных людей и сельских жителей и постепенно этот обычай должен исчезнуть. Однако и сегодня собачье мясо составляет важную часть рациона китайцев; и способы его приготовления разнообразны» (Новиков, Кудинова 2009: 476)⁴.

КИНОФАГИЯ НА ФИЛИППИНАХ И В ДРУГИХ СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Диапазон отношений человека и собаки в повседневной жизни, верованиях и мифологии филиппинцев рассмотрен подробно в (Станюкович 2021). Самый высокий статус — статус помощника, компаньона и отчасти кормильца, наделяемого именем, которое иногда даже определяет шаман (как для младенца), — собака имеет у охотничьих народов и горных земледельцев, у которых загонная охота с собаками

⁴ См. также: (Жельвис 1984; Новиков 1997).

до недавнего времени играла важную роль. Бóльшая же часть населения страны живет на чудовищно перенаселенных равнинах, где нет места ни лесам, ни диким животным, ни дружбе с собакой, которая здесь рассматривается как хозяйственный актив (сторожевая функция) и потенциальный источник белковой пищи. Состоятельные люди в последние десятилетия заводят породистых собак как домашних любимцев, но это совсем новые веяния.

Национальная гордость филиппинцев, живущих в окружении Индонезии, Китая и Индокитая, страдает от отсутствия на архипелаге древних памятников архитектуры и письменности, которыми богаты соседние страны. Сложная, богатая и изысканная культура доколониальных государств, существовавших на территории архипелага, оставила очень мало материальных свидетельств (такое случалось и с другими приморскими городами-государствами Нусантары, напр. с индонезийской Шривиджайей). Основой национальной идентичности филиппинцев служит представление об особом месте страны как форпоста христианства на Востоке и витрины западной (американской) культуры и демократии в Азии. Ясно, что такое понимание идентичности заставляет их так же стыдиться кинофагии и скрывать ее, как индонезийцев — осознание своей принадлежности к мусульманскому миру.

Победная национально-освободительная революция против Испании неожиданно закончилась тем, что Филиппины оказались под властью нового колонизатора. С первого момента их представления американской публике, на ярмарке в Сент-Луисе в 1905 г., на жителей архипелага было поставлено клеймо «дикарей-собакоедов»: «Главной сенсацией ярмарки стали “сеансы” приготовления в пищу собак группой бонтоков, горцев Северного Лусона. Ярмарка представляла американцам только что захваченную колонию. Коммерческо-развлекательное шоу специально привезенной группы горцев вызвало в США негативное представление о культуре Филиппин. Следствием этого на архипелаге стало яростное отмежевание от горских групп, которые фактически были провозглашены расово чуждыми» (Станюкович 2014: 90). О последствиях этой стигматизации для горцев написано много (Afalse 1995). Горцы обороняются в печати: «Как игорот, я решительным образом не признаю, что собакоедство — моя культура. Меня растили не для того, чтобы есть собак. Собачатина — не часть моей диеты и никогда не была. Я считаю оскорбительным то, что игоротов объявляют собакоедами не только на Филиппинах, но и за рубежом. Это позор, и так как игороты — филиппинцы, собакоедство — позор филиппинской нации» (Dawang 2003).

Еще одним культурным событием стал выход книги Дж. Хагедорн «Собакоеды» (“Dog eaters”), признанной «квинтэссенцией

филиппинско-американского романа» (Hagedorn 1990). В интервью по поводу тридцатилетия выхода этой книги автор говорит: «В библиотеке я наткнулась на книжку “Маленький коричневый брат”, написанную историком Леоном Вулфом, именно там я встретила этот термин. Я с детства знала, что на Филиппинах были жалкие шутки о том, что нас считают собакоедами, но не осознавала, с каким глубоким стыдом это связано. В этой книге говорилось о том, что американские солдаты называли филиппинцев “собакоедами”, и другие вещи — например, тот факт, что “gook” [грубо оскорбительное обозначение человека с азиатскими чертами лица. — М. С.] восходит к филиппино-американской войне, а не к вьетнамской, как обычно считают» (Flora 2020). Несколько лет назад филиппинская диаспора в США подала в суд на телеведущего, который, объявляя перерыв в передаче, пошутил так: «В это время вы можете выгулять свою собаку, покормить ее или, если вы филиппинец, — съесть ее».

Ряд публикаций в Индонезии и особенно в Корее подняли тему «колониалистской стигматизации кинофагии», заставляющей азиатские сообщества осудить свои традиционные пищевые практики, неприемлемые для Запада, толерантного, например, к потреблению говядины, которое «абсолютно неприемлемо для большинства жителей Восточной Индии» (Yoon 2016: 357, 358). Как пишет индонезийская исследовательница, «...организации, которые борются за права животных на Востоке, фокусируются на отдельных видах, таких как собака. Основной вопрос — почему запрет налагается на мясо собаки, а мясо прочих животных есть не запрещается?» (Resolute 2016: 150).

В исламизированных частях Нусантары находим и кинофагию, и мифы, ее осуждающие, например этногенетический миф о происхождении сама-баджао, так называемых морских цыган, которые занимались торговлей и рыболовством и жили в лодках (об их современном положении см.: Станюкович, Федоров 2018). Там говорится о том, как рыбак баджао обидел жену Пророка и должен был искупить вину, приготовив пир. Он подал собачатину, и когда Пророк прочел молитву над едой, мясо залаяло. Немедленно земля баджао ушла под воду, почти все утонули. С тех пор баджао были вынуждены жить в лодках, «плавая, как мусор, за который цеплялись их предки» (Morrison 1993: 46, со ссылкой на: Sather 1984: 13). В другом мифе незаконное мясо собаки было уже съедено и залаяло прямо из живота (Kruyt 1937).

Для характеристики городской ситуации с кинофагией на Филиппинах приведем зарисовку из романа «Манильские призраки» современного английского писателя Дж. Хамильтона-Патерсона. Там подаваемые в дешевом ресторанчике блюда из собачатины в шутку называют *adobong payong* — «тушеные зонтики»: «“Ты только посмотри на это мясо”, — сказал он, хлопнув по кровавому куску. Это отборная собачатина, тонны отборной собачатины. Мы, по правде, думали, что она

слишком хороша для твоих клиентов — они же привыкли есть голодающих дворняжек, этим ты их обычно кормишь. Одни ребра и кожа. Наверно, думают, что едят тушеные зонтики» (Hamilton-Paterson 1994: 92).

Тем не менее масштаб потребления собачатины на душу населения в странах Юго-Восточной Азии невелик (огромные абсолютные цифры, которые вызывают ужас, связаны с плотностью населения), и так было всегда. Гораздо выше он, например, в эвенкийском поселке в Южной Сибири у границы с Монголией, где некоторые информанты заявляют, что едят собачье мясо два раза в неделю (Давыдов, Симонова 2008: 219). Нужно принять во внимание, что мясо — основа рациона коренных народов Севера, которые традиционно занимались оленеводством и охотой, в то время как филиппинцы и другие насельники Юго-Восточной Азии — земледельцы, их диета базируется на рисе и овощах, основным источником животного белка здесь традиционно была рыба, а мясо — редкой роскошью. Тем не менее практически во всех странах Южной и Юго-Восточной Азии можно купить и сырую собачатину, и готовые блюда из нее. Нужно только знать, где их искать, а в некоторых странах — их «кодовые» названия.

ЭВФЕМИЗМЫ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ СОБАЧАТИНЫ И НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

На Филиппинах, где я в основном работаю в поле, эвфемизмов для собачатины нет. Тагальское (филипино) *karneng aso*, илоканское *karne ti aso*, тували и фугао *dotag di ahui*, яттука *dotag ni ahui* — все эти словосочетания означают просто «мясо собаки». Как и русские термины «собачина» и «собачатина», образованные по общей продуктивной модели (ср. говядина, телятина, курятина, медвежатина, конина), они в первом (прямом) значении стилистически нейтральны. Примечательно, что в двух первых, равнинных, языках «мясо» обозначается заимствованием, от испанского *carne* (об испанском влиянии на филиппинскую систему питания, кухню и кулинарную терминологию см.: Станюкович 1998, 2003, 2004; Бакланова 2018). Термин «асусена», основанный на языковой игре, от тагальского *aso* ('собака') и испанского *cena* ('обед, ужин'), известен ограниченному кругу интеллектуалов⁵. В связи с запрещением потребления крови в авраамических религиях значимо и то, что так же прямо обозначается весьма популярное у всех народов и всех социальных групп блюдо из крови или с кровью (из любого мяса): *dinuguan* от слова *dugo* ('кровь').

⁵ Фильм «Azucena», режиссер Карлос Сигьон-Рейна (Carlos Siguion-Reyna), 2000. Испанское имя Асусена значит «лилия». Забуддыга-отец и мачеха девочки Лили продали ее любимую собаку торговцу собачьим мясом. Лили идет ее выручать; торговец возвращает ей животное и становится другом и защитником девочки.

Тема эвфемизмов для собачатины впервые привлекла мое внимание в 2012 г., во время конференции по австронезийской лингвистике (ICAL) в Денпасаре (Бали, Индонезия). Доклад индонезийской исследовательницы-социолингвиста под завуалированным названием «Эвфемизмы как отражение вежливости в рекламе еды в яванском сообществе» был посвящен способам «кодирования» собачатины на вывесках ресторанчиков и забегаловок. Докладчица постоянно извинялась за «неприличную» тему своего сообщения, вызывая сочувственный дружественный смех слушателей. К сожалению, в тезисах мы не найдем ни одного термина, сказано только: «...есть пять видов названий для забегаловок (*food kiosk*), в которых подают мясо собаки, каждое базируется на определенных культурных основаниях» (Nurdiyani 2012: 128). Статья по докладу, насколько нам известно, опубликована не была. Запреты на упоминание этой темы в Индонезии, кажется, ужесточаются: в недавно опубликованной статье, посвященной собаке в провинции Папуа (Maryone 2018), хотя там и идет речь о папуасах, а не о мусульманах Явы, о кинофагии упоминается только раз вскользь. В ноябре 2018 г. на конференции в Риме⁶ и в марте 2021 г. на Радловских чтениях МАЭ РАН в докладах о роли собаки я привела австронезийские материалы по этому вопросу; эстафета была подхвачена А. А. Янковской, которая сделала доклад о кинофагии у батаков Индонезии на «Маклаевских чтениях» нашего отдела МАЭ РАН осенью 2021 г.

«Кодовые обозначения» собачатины появляются там, где традиция вступает в противоречие с пришлой моралью и принуждена прятаться. Попробуем вывести самые типичные модели их образования. Первая модель — по принципу замены слова «собака» на название другого животного или просто указание на «мохнатость»: во Вьетнаме вместо *thit cho* (собачье мясо) говорят *thit cay* (мясо циветты); яванцы используют словосочетание *kambing balap* (бегущая коза); кхмеры — *sac kɔ: tuə* (мясо карликовой коровы); минахасцы Индонезии — RW, *rintek wook* (мягкий мех, *fine hair*). Вторая модель — нумерологическая «шифровка»: китайское «мясо 3–6», где цифры 3–6 означают 9 (3+6=9), а 9 в гуандунском наречии произносится так же как слово «собака»; индонезийское *B-1* (собака), что объясняют тем, что в батакском слове *biang* (собака) всего один звук *b*, в отличие от слова *babi* (свинья), в котором их два. Цифровой код и у наименования собачатины в Нигерии — 404, в честь модели французского автомобиля «Пежо»⁷, с соответствующей детализацией: фары — глаза, сердце — мотор, колеса — лапы, телефон (антенна? — М. С.) — хвост («напоминает телефонный провод») (Funny Names). Третья модель — это касается готовых блюд из собачьего

⁶ 1st International Conference. Dods, Past & Present. An Interdisciplinary Perspective. Associazione Italiana di Etnoarcheologia. Rome, 14th–17th November, 2018.

⁷ Как подсказал А. Г. Козинцев, не исключена и игра с интернет-кодом 404, 'not found'.

мяса — использует для кодового названия эпитеты «ароматное», «лечебное» или просто «особое» (жаркое, рагу, суп, похлебка): индонезийские *sate jami*, *rica-rica jami*, где *jami* — трава, лекарство; китайские «ароматный/придающий силы», корейское *посинтхан* («похлебка, тело укрепляющая»), *ёнъянтхан* («похлебка, ослабленное тело питающая»), кхмерское *sac pi'seh* (особое мясо)⁸.

Собачье мясо, слюна, жир, кровь, шерсть повсеместно считаются целебными. Собачатина, по народным представлениям, «разогревает тело», повышает давление, жизненный тонус и иммунитет, лечит лихорадки и простуды, повышает мужскую потенцию. Собачий жир — полуофициально признанное во всем мире средство от туберкулеза (принимают внутрь) и артритов, его можно купить в аптеках. Собачьей кровью многие народы лечат укусы змей. О лечебных функциях собачьей шерсти знают все. Целительность собачьей слюны признана официальной медициной — недаром в народных представлениях «на языке у собаки лекарства от двенадцати недугов» (Архангельская 2020).

Восприятие собачьего мяса в качестве афродизиака следует рассматривать, с одной стороны, как частный случай «лечебности», с другой — как наследие охотничьей связки «мужчина и собака», откуда проистекает представление о ней как о «мужской пище» (об этом у лао см.: Strigler 2011: 43). Вера в лечебные свойства животного или растения связана с его функциями в культуре и с мифологическими представлениями о нем. Защитные функции собаки трансформируются в представления о целительности ее плоти, агрессивность охотничьей и сторожевой собаки воспринимается как ее повышенная витальность, связанная с мужскими качествами и мужской потенцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кинофагия не является исключительным явлением, характерным, как это принято считать, для Юго-Восточной Азии, Кореи, Китая и прилегающих территорий. Скорее следует говорить о том, что здесь (а также в Африке, Латинской Америке) она лучше сохранилась, чем в христианской Европе и в странах Ближнего Востока, исповедующих ислам и иудаизм, в США и Канаде, культурные нормы которых сформированы переселенцами из Европы. К основным причинам сохранности традиции употребления в пищу собак в Азиатско-Тихоокеанском регионе относятся, во-первых, поздний приход сюда авраамических религий — ислама и христианства (буддизм к кинофагии относился лояльно, запрещая ее только монахам, см.: Strigler 2011: 44);

⁸ Благодарю за помощь в сборе терминов коллег-востоковедов, специалистов по кхмерскому и вьетнамскому языкам С. Ю. Дмитренко и Р. Ф. Федорова, китайста С. Г. Пучкова, кореиста В. Д. Аткинина, индонезисток А. К. Касаткину и А. А. Янковскую.

во-вторых, перенаселение, высокий процент крестьянства и сведение лесов, источников дичи, для сельскохозяйственных культур, часто технических (гевея). Когда значительная часть населения постоянно существует на грани недоедания и голода, отказ от традиционных источников белковой пищи — слишком большая роскошь. Призывы организаций по защите прав животных отказаться от ценных пищевых ресурсов, освященных национальными традициями, воспринимаются как причуды богачей, а связанные с кинофагией инвективы — как новый вид колониальной экспансии благополучного западного мира. Стремление доказать свою прогрессивность и цивилизованность приводит государства Азии к ужесточению законодательства; бизнес, связанный с кинофагией, уходит в «серую зону». На уровне обыденного сознания наблюдается широкий разброс — от полного отождествления с западными нормами (у университетской молодежи) до двоемыслия, когда поход в ресторанчик, где подают блюда из собаки, имеет привкус *guilty pleasure*. Кинофагию оправдывают традициями или — очень редко — провозглашают знаменем национальной культуры в борьбе с глобализмом и неоколониализмом. Чаще всего практики кинофагии отрицают для своего окружения и приписывают национальным меньшинствам — «горцам», «деревенщинам» (во Вьетнаме и Камбодже), вьетнамцам (в Лаосе), батакам (в Индонезии), игоротам (на Филиппинах) или даже жителям соседней страны (кхмеры и лао — вьетнамцам, вьетнамцы — китайцам). Однако в повседневности мужчины самого разного социального статуса и этнической принадлежности периодически собираются на пикник, вместе выпивают и закусывают собакой. Собаку, конечно, жалко, но жалко и корову, овцу, кролика.

Я много лет работаю с коренными народами Филиппин и Камбоджи и не могу не согласиться с мнением коллеги-полевика, сделавшей в своей работе в разделе о кинофагии в Китае следующее заключение: «Вопрос об употреблении в пищу мяса собаки касается не только сферы этики, как это представляется человеку западной культуры, но также затрагивает интересы многих малочисленных народов Китая, для которых собачатина является неотъемлемой частью повседневной жизни и культуры» (Грачева 2018: 93). Этический вопрос, впрочем, поставить можно, но иначе. Кинофагия — лишь одна из множества черт *cultural diversity*, которые искореняются в культурах *ethnic others*. В защите нуждается не только биоразнообразие животных и растений, но и разнообразие человеческих культур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 1995–2020 — Станюкович М. В. Полевые материалы автора. Филиппины. 1995–2020.

ПМА 2015, 2017 — Станюкович М. В. Полевые материалы автора. Камбоджа. 2015, 2017.

Адоньева С. Б. Корова-мать: ключ к сюжету «Крошечка-Хаврошечка» // Сказка и миф. 2019. № 2. С. 128–138.

Арутюнов С. А. Введение // Этнография питания народов стран зарубежной Азии / Отв. ред. С. А. Арутюнов М.: Наука, 1981. С. 3–11.

Арутюнов С. А., Воронина Т. А. Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. 289 с.

Архангельская А. М. Собака как «нечистое» животное в традиционной народной культуре и языке // Slavica Slovaca. 2020. Вып. 55. № 1. С. 110–122.

Бакланова Е. А. Феномен pansiteria: китаизмы и испанизмы в тагальской кулинарной лексике // Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки / Отв. ред. И. Т. Прокофьева, Е. Ю. Карачкова. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 479–491.

Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки / Отв. ред. И. Т. Прокофьева, Е. Ю. Карачкова. М.: МГИМО-Университет, 2018. 639 с.

Вкус Европы. Антропологическое исследование культуры / Отв. ред. М. Ю. Мартынова, О. Д. Фаис-Леутская. М.: Кучково поле Музеон, 2020. 568 с.

Возчиков Д. В. Амок, попугаи и волшебное дерево: Мир Нусантары в описании венецианского купца XV в. // Этнография. 2019. № 1 (3). С. 73–98.

Грачева Ю. А. Употребление в пищу мяса собак в современном Китае: традиция и позиция общества // Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки / Отв. ред. И. Т. Прокофьева, Е. Ю. Карачкова. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 79–93.

Давыдов В. Н., Симонова В. В. Собачье сердце: антропология собаководства в постсоветской эвенкийской деревне // Вести лаборатории древних технологий. 2008. № 1 (6). С. 213–230.

Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: КАНОНпресс-Ц; Кучково поле, 2000. 285 с.

Жельвис В. И. Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // Советская этнография. 1984. № 3. С. 135–143.

Кондоминас Ж. Лес священного камня. М.: Наука, 1968. 328 с.

«Крысы, продающиеся на рынках и в ресторанах Юго-Восточной Азии, содержат несколько коронавирусов, показало исследование». URL: <https://fb.ru/post/diseases-and-conditions/2020/6/20/221063> (дата обращения: 25.12.2021).

Левкиевская Е. Е. Пища повседневная и пища ритуальная: механизмы переключения аксиологических кодов // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / Отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. С. 37–47.

Новик А. А. Морепродукты в алиментарной культуре населения Ионического побережья Албании // Вкус Европы. Антропологическое исследование культуры питания / Отв. ред. М. Ю. Мартынова, О. Д. Фаис-Леутская. М.: Кучково поле Музеон, 2020. С. 350–399.

Новиков А. В. Собаки в системе питания населения Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы V Всерос. науч. семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева. Омск; Уфа: Изд-во ОмГУ, 1997. С. 112–115.

Новиков А. В., Кудинова М. А. Собачье мясо в традиционной китайской медицине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2009. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 475–478.

Станюкович М. В. Современная пища кубинцев (по материалам экспедиции 1987 г.) // Материалы полевых этнографических исследований. Вып. 4 / Отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 1998. С. 112–123.

Станюкович М. В. Пища (По материалам экспедиции 1987 г.) // Традиционная материальная культура сельского населения Кубы / Отв. ред. Э. Г. Александренков. М.: Наука, 2003. С. 312–337.

Станюкович М. В. О влиянии испанской колонизации на систему питания народов Филиппин // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 348–364.

Станюкович М. В. Выстрел в молоко. Рец. на: Valerie Curtis. Don't Look, Don't Touch, the Science behind Revulsion, OUP, 2013. 184 p. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 247–268.

Станюкович М. В. Эпос, фольклористика, национализм и прочая идеология — от России до Филиппин // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Международной школы молодых фольклористов. СПб.: РИИИ, 2014. С. 85–96.

Станюкович М. В. Собака в культуре филиппинцев и других австронезийцев: этнография, лингвистика, мифология, ритуал // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 27–52.

Станюкович М. В., Федоров Р. В. Неотложная полевая этнография Юго-Восточной Азии. Север Камбоджи и юг Филиппин // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 109–121.

Afable P. O. The Peoples of Eduardo Masferre's Photographs // Discovery, the Magazine of the Yale Peabody Museum of Natural History. 1995. № 25 (2). P. 10–20.

Amano N., Piper P. J., Hung H. and P. Bellwood. Introduced Domestic Animals in the Neolithic and Metal Age of the Philippines: Evidence from Nagsabaran, Northern Luzon // Journal of Island & Coastal Archaeology. 2013. № 8. P. 317–335.

Conklin H. C. Hanunoo Agriculture. A Report on an Integral System of Shifting Cultivation in the Philippines. Connecticut: Elliot's Books Northford, 1975. 209 p. (Reprint. Originally publ.: Food and Agriculture organization of the United Nations. Rome, 1957).

Curtis V. Don't Look, Don't Touch, the Science behind Revulsion, OUP. 2013. 184 p.

Dawang B. A. Dog-eating and My Culture. A Project of Animal People, Inc., 1992–2013. 2003. URL: <http://animalpeopleforum.org> (дата обращения: 06.02.2021).

«Dog meat». URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Dog_meat (дата обращения: 06.02.2021).

Eijkelpamp W. Your Food is My Friend! An Anthropological Investigation in Yogyakarta's Dog Meat Trade and the Animal Activism against this Practice. Unpubl. MA Diss., Leiden University, 2015.

Flora N. Jessica Hagedorn Looks Back on the Legacy of 'Dogeaters'. URL: www.thenation.com/article/culture/jessica-hagedorn-dogeaters-anniversary-interview/ (дата обращения: 01.02.2021).

Funny Names Nigerians Call Meat & Other Animal Parts. URL: www.kitchenbutterfly.com/2017/funny-names-nigerians-call-meat-other-animal-parts/ (дата обращения: 25.12.2021).

Gibson T. Sacrifice and Sharing in the Philippine Highlands: Religion and Society among the Buid of Mindoro. Quezon City: Ateneo de Manila Univ. Press, 2015. 292 p. (Reprint. Originally publ.: London: Athlone Press, 1986).

Greig K., Walter R., Matisoo-Smith E. A. Dogs and People in Southeast Asia and the Pacific // The Routledge Handbook of Bioarchaeology in Southeast Asia and the Pacific Islands. Routledge, 2016. P. 462–482.

Greig K., Gosling A., Collins C. J., Boocock J., McDonald K., Addison D. J., Allen M. S., David B., Gibbs M., Higham C. F. W., Liu F., McNiven I. J., O'Connor S., Tsang C. H., Walter R. & Matisoo-Smith E. Complex history of dog (*Canis familiaris*) Origins and Translocations in the Pacific Revealed by Ancient Mitogenomes // *Sci Rep.* 2018. June 14. № 8 (1). P. 9130. doi: 10.1038/s41598-018-27363-8. PMID: 29904060; PMCID: PMC6002536.

Hagedorn J. Dogeaters. New York: Pantheon Books, 1990. 251 p.

Hamilton-Paterson J. Ghosts of Manila. London: Jonathan Cape, 1994. 279 p.

Harris M. Good to Eat: Riddles of Food and Culture. Illinois: Waveland Press, 1998. 289 p.

Khan R. The Dog as Pig. URL: www.gnxp.com/WordPress/2009/09/08/the-dog-as-pig/. September 8, 2009 (дата обращения: 25.12.2021).

Kruyt A. C. De hond in de geestenwereld der Indonesiens // *Tijdschrift voor Indische taal-land- en volkenkunde.* 1937. Vol. 4. № 77. P. 534–589.

Losey R. J., Nomokonova T., Fleming L. S., Kharinskiic A V., Kovychev E. V., Konstantinov M. V., Diatchina N. G., Sablin M. V., Iaroslavtseva L. G. Buried, Eaten, Sacrificed: Archaeological Dog Remains from Trans-Baikal, Siberia // *Archaeological Research in Asia.* 2018. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ara.2018.02.005> (дата обращения: 25.12.2021).

Mahler X., Denis B. Le chien, animal de boucherie // *Ethnozootechnie.* 1989. № 43. P. 81–84.

Maryone R. Anjing dalam budaya papua (Dog in the Papua Culture) // *Jurnal Arkeologi Papua.* Juni 2018. Vol. 10. Edisi No. 1. P. 53–62.

Milliet J. Manger du chien? C'est bon pour les sauvages! // *L'Homme.* 1995. № 35 (136). P. 75–94.

Morrison J. Bajau Gender: A Study of the Effects of Socio-Economic Change on Gender Relations in a Fishing Community of Sabah, East Malaysia. Unpubl. PhD. Diss. Univ. of Hull, 1993.

Nurdiyani N. Euphemism as the Reflection of Politeness in the Food Advertisements of Javanese Community // *The 12th International Conference on Austronesian Linguistics.* 2–6 July 2012. Udayana University, Bali-Indonesia / Conference program [and abstracts]. P. 127–128.

Ochoa J., Paz V., Lewis H., Carlos J., Robles E., Amano N., Ferreras M. R., Lara M., Vallejo B. Jr., Velarde G., Villaluz S. A., Ronquillo W., Solheim W. The Archaeology and Palaeobiological Record of Pasimbahan-Magsanib Site, Northern Palawan, Philippines // *Philippine Science Letters.* 2014. № 7 (1). P. 22–36.

Oh M., Jackson J. Animal Rights vs. Cultural Rights: Exploring the Dog Meat Debate in South Korea from a World Polity Perspective // *Journal of Intercultural Studies*. 2011. № 32 (1). P. 31–56.

Parker L. The Dog-Eaters of Bali // *Canberra Anthropology*. 1991. № 14 (1). P. 1–23.

Peemot V. S. We Eat Whom We Love. Hippophagy among Tyvan Herders // *Inner Asia*. 2017. № 19. P. 133–156.

Podberscek A. L. Dogs and Cats as Food in Asia // *Encyclopedia of Human Animal Relationships: A Global Exploration of Our Connections with Animals* / Ed. by M. Bekoff. Westport, CT: Greenwood Press, 2007. P. 24–34.

Podberscek A. L. Good to Pet and Eat: The Keeping and Consuming of Dogs and Cats in South Korea // *Journal of Social Issues*. 2009. № 65 (3). P. 615–632.

Pollock N. J. Food Classification in Three Pacific Societies: Fiji, Hawaii and Tahiti // *Ethnology*. 1986. № 25 (2). P. 107–117.

Resolute P. Humanizing the Non-Human Animal: the Framing Analysis of Dogs' Rights Movement in Indonesia // *Masyarakat: Jurnal Sosiologi*. 2016. № 21 (2). P. 149–172.

Sather C. A. Sea and Shore People: Ethnicity and Ethnic Interaction in Southeastern Sabah // *Tan Chee Beng* (ed.). *Contributions to Southeast Asian Ethnography*. 1984. № 3. P. 5–26.

South Korea to Launch Task Force on Banning Dog Meat. URL: www.thestar.com/news/world/2021/11/25/south-korea-to-launch-task-force-on-banning-dog-meat.html (дата обращения: 25.12.2021).

Stanyukovich M. V. Dog in Philippine Life, Ritual and Creation Myths: in a Spirit of Hunting // *Dogs, Past and Present — an Interdisciplinary Perspective* / Eds by I. Fiore and Fr. Lugli. Archaeopress Archaeology (in press).

Strigler F. L'alimentation des Laotiens. Cuisine, recettes et traditions au Laos et en France. Paris, 2011. 356 p.

Williams C. L., Mazzola S. M., Curone G., Pastorino G. Q. What We Have Lost: Domestic Dogs of the Ancient South Pacific // *Annual Research and Review in Biology*. March 2018. № 25 (2). URL: www.researchgate.net/publication/323987560_What_We_Have_Lost_Domestic_Dogs_of_the_Ancient_South_Pacific (дата обращения: 27.01.2021).

What Countries Eat Dogs? URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/what-countries-eat-dogs> (дата обращения: 25.12.2021).

Yoon H. Disappearing Bitches: Canine Affect and Postcolonial Bioethics // *Configurations*. Johns Hopkins University Press and the Society for Literature, Science, and the Arts. 2016. Vol. 24. P. 351–374.

REFERENCES

Adonieva S. B. [Cow-mother: the key to the plot “Little havroshechka”]. *Skazka i mif* [Fairy tale and myth], 2019, no. 2, pp. 128–138. (In Russian).

Afable P. O. The peoples of Eduardo Masferre's photographs. *Discovery, the Magazine of the Yale Peabody Museum of Natural History*, 1995, no. 25 (2), pp. 10–20. (In English).

Amano N., Piper P. J., Hung H., Bellwood P. Introduced Domestic Animals in the Neolithic and Metal Age of the Philippines: Evidence from Nagsabaran, Northern Luzon. *Journal of Island and Coastal Archaeology*, 2013, no. 8, pp. 317–335. (In English).

Arkhangel'skaia A. M. [Dog as an “unclean” animal in traditional culture and language]. *Slavica Slovaca*, 2020, vol. 55, no. 1, pp. 110–122. (In Russian).

Arutiunov S. A. [Introduction]. *Etnografiya pitaniya narodov stran zarubezhnoy Azii* [Anthropology of food of the peoples of foreign Asia]. Ed. by S. A. Arutiunov. Moscow: Nauka Publ., 1981, pp. 3–11. (In Russian).

Arutiunov S. A., Voronina T. A. *Traditsionnaia pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samo-soznaniia* [Traditional food as an expression of ethnic self-identification]. Moscow: Nauka Publ., 1981. (In Russian).

Baklanova E. A. [The pansiteria phenomenon: Chinese and Spanish borrowings in Tagalog culinary lexica]. *Vkus Vostoka. Gastronomicheskiye traditsii v istorii, kul'ture i religiyakh narodov Azii i Afriki* [The Taste of the East. Gastronomic traditions in the history, in culture and in religion of the peoples of Asia and Africa]. Moscow: MGIMO-University Publ., 2018, pp. 479–491. (In Russian).

Condominas J. *Les sviashchennogo kamnia* [The forest of the sacred rock]. Moscow: Nauka Publ., 1968. 328 p. (In Russian).

Conklin H. C. *Hanunoo Agriculture. A Report on an Integral System of Shifting Cultivation in the Philippines* (FAO Forestry Development Paper no 12). Northford, Connecticut: Elliot's Books, 1975. (In English).

Curtis V. *Don't Look, Don't Touch, the Science behind Revulsion*. Chicago: The University of Chicago Press, 2013. (In English).

Davydov V. N., Simonova V. V. [Dog's heart: anthropology of dog-eating in post-Soviet Evenki village]. *Vesti laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Bulletin of the laboratory of ancient technologies], 2008, pp. 213–230. (In Russian).

Eijkkamp W. *Your food is my friend! An anthropological investigation in Yogyakarta's dog meat trade and the animal activism against this practice*. Unpublished MA diss., Leiden University, 2015. (In English).

Gibson T. *Sacrifice and sharing in the Philippine highlands: religion and society among the Buid of Mindoro*. Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 2015. (Reprint. Originally publ.: London: Athlone Press., 1986). (In English).

Grachova Yu. A. [Dog meat consumption in modern China: tradition and the opinion of community]. *Vkus Vostoka. Gastronomicheskiye traditsii v istorii, kul'ture i religiyakh narodov Azii i Afriki* [The Taste of the East. Gastronomic traditions in the history, in culture and in religion of the peoples of Asia and Africa]. Moscow: MGIMO-University Publ., 2018, pp. 79–93. (In Russian).

Greig K., Gosling A., Collins C. J., Boocock J., McDonald K., Addison D. J., Allen M. S., David B., Gibbs M., Higham C. F. W., Liu F., McNiven I. J., O'Connor S., Tsang C. H., Walter R., Matisoo-Smith E. Complex history of dog (*Canis familiaris*) origins and translocations in the Pacific revealed by ancient mitogenomes. *Scientific Reports*, 2018, Jun 14, no. 8 (1), p. 9130. (In English).

Greig K., Walter R., Matisoo-Smith E. A. Dogs and people in Southeast Asia and the Pacific. *The Routledge Handbook of Bioarchaeology in Southeast Asia and the Pacific Islands*. London: Routledge, 2016, pp. 462–482. (In English).

Hagedorn J. *Dogeaters*. New York: Pantheon Books, 1990. (In English).

Harris M. *Good to Eat: Riddles of Food and Culture*. Illinois: Waveland Press, 1998. (In English).

Kruyt A. C. De hond in de geestenwereld der Indonesiëns. *Tijdschrift voor Indische taalland- en volkenkunde*, 1937, vol. 4, no. 77, pp. 534–589. (In Dutch).

Levkievskaja E. E. [Everyday food and the ritual one: axiological code switching]. *Kody povsednevnosti v slavjanskoj culture: eda i odezhda* [Codes of everyday life in Slavic culture: food and dress]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2011, pp. 37–47. (In Russian).

Losey R. J., Nomokonova T., Fleming L. S., Kharinskiĭ A. V., Kovychev E. V., Konstantinov M. V., Diatchina N. G., Sablin M. V., Iaroslavtseva L. G. Buried, eaten, sacrificed: Archaeological dog remains from Trans-Baikal, Siberia. *Archaeological Research in Asia*, 2018, vol. 16, pp. 56–65. (In English).

Mahler X., Denis B. Le chien, animal de boucherie. *Ethnozootechnie*, 1989, no. 43, pp. 81–84. (In French).

Maryone R. Anjing dalam budaya papua (Dog in the Papua Culture). *Jurnal Arkeologi Papua*, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 53–62. (In Indonesian).

Millie J. Manger du chien? C'est bon pour les sauvages! *L'Homme*, 1995, no. 35 (136), pp. 75–94. (In French).

Morris J. *Bajau gender: A study of the effects of socio-economic change on gender relations in a fishing community of Sabah, East Malaysia*. Unpublished PhD diss., University of Hull, 1993. (In English).

Novikov A. V. [Dog in nutrition system of the population of Asia]. *Integratsiia arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy: Materialy 5 vserossiyskogo nauchnogo seminar, posviashchennogo 155-letiiu so dnia rozhdeniia N. M. Yadrintseva* [Integration of archeological and ethnographic studies: Materials of the 5th all-Russian research seminar, in honor of the 155th anniversary of N. M. Yadrintsev]. Omsk; Ufa: Omsk State University Publ. House Publ., 1997, pp. 112–115. (In Russian).

Novikov A. V., Kudinova M. A. [Dog meat in Chinese traditional medicine]. *Problemy arkhеologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: Materialy itogovoi sessii IAET SO RAN 2009* [Issues of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: Materials of the final session of the Inst. Of Archeol., Ethn and Anthr. Of the Siberian part of the Rus. Acad. Of Sci. 2009]. Novosibirsk: IAET SO RAS Publ., 2009, vol. 15, pp. 475–478. (In Russian).

Nurdiyani N. Euphemism as the reflection of politeness in the food advertisements of Javanese community. *The 12th International Conference on Austronesian Linguistics. 02–06 July 2012. Conference program [and abstracts]*. Bali-Indonesia: Udayana University, 2012, pp. 127–128. (In English).

Ochoa J., Paz V., Lewis H., Carlos J., Robles E., Amano N., Ferreras M. R., Lara M., Vallejo B. Jr., Velarde G., Villaluz S. A., Ronquillo W., Solheim W. II. The archaeology and pal-

aeobiological record of Pasimbahan-Magsanib Site, northern Palawan, Philippines. *Philippine Science Letters*, 2014, no. 7 (1), pp. 22–36. (In English).

Oh M., Jackson J. Animal rights vs. cultural rights: Exploring the dog meat debate in South Korea from a world polity perspective. *Journal of Intercultural Studies*, 2011, no. 32 (1), pp. 31–56. (In English).

Parker L. The dog-eaters of Bali. *Canberra Anthropology*, 1991, no. 14 (1), pp. 1–23. (In English).

Peemot V. S. We Eat Whom We Love. Hippophagy among Tyvan Herders. *Inner Asia*, 2017, no. 19, pp. 133–156. (In English).

Podberscek A. L. Dogs and cats as food in Asia, in M. Bekoff. *Encyclopedia of human animal relationships: A global exploration of our connections with animals*. Westport, CT: Greenwood Press, 2007, pp. 24–34. (In English).

Podberscek A. L. Good to pet and eat: The keeping and consuming of dogs and cats in South Korea. *Journal of Social Issues*, 2009, no. 65 (3), pp. 615–632. (In English).

Pollock N. J. Food classification in three Pacific societies: Fiji, Hawaii and Tahiti. *Ethnology*, 1986, no. 25 (2), pp. 107–117. (In English).

Resolute P. Humanizing the Non-Human Animal: the Framing Analysis of Dogs' Rights Movement in Indonesia. *Masyarakat: Jurnal Sosiologi*, 2016, no. 21 (2), pp. 149–172. (In English).

Sather C. A. Sea and Shore People: Ethnicity and Ethnic Interaction in Southeastern Sabah., Ed. by Tan Chee Beng. *Contributions to Southeast Asian Ethnography*, 1984, no. 3, pp. 5–26. (In English).

Stanyukovich M. V. [Disgust and milk of kindness]. Review of Valerie Curtis. Don't Look, Don't Touch, the Science behind Revulsion, OUP, 2013. 184 p. *Forum for Anthropology*, 2016, no. 29, pp. 247–268. (In Russian).

Stanyukovich M. V. [Dog in the Culture of the Filipinos and Other Austronesians: Ethnography, Linguistics, Mythology, and Ritual]. *Etnografia*, 2021, no. 3 (13), pp. 27–52. (In Russian).

Stanyukovich, Maria V. (in press). Dog in Philippine life, ritual and creation myths: in a spirit of hunting / Ivana Fiore and Francesca Lugli (Eds) - Dogs, Past and Present - an Interdisciplinary Perspective. Archaeopress.

Stanyukovich M. V. [Epic, folkloristics, nationalism and other ideology — from Russia to the Philippines]. *Folklor i etnokul'turnaia identichnost'* [Folklore and ethnocultural identity: Materials of the 5th International School of young researchers of folklore]. St. Petersburg: Rus. Inst. Of Hist. of Arts Publ., 2014, pp. 85–96. (In Russian).

Stanyukovich M. V. [Food (fieldwork materials of 1987)]. *Traditsionnaia material'naia kul'tura selskogo neseleniya Kuby* [Traditional material culture of the rural population of Cuba]. Moscow: Nauka Publ., 2003, pp. 312–337. (In Russian).

Stanyukovich M. V. [On the influence of Spanish colonization on the system of food and nutrition of the peoples of the Philippines]. *Problemy etnografii i istorii kul'tury narodov Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Issues of ethnography and history of culture of the peoples of Asia-Pacific region]. St. Petersburg: Petersburgskoie Vostokovedeniye Publ., 2004, pp. 348–364. (In Russian).

Stanyukovich M. V. [The present-day food of Cubans (fieldwork materials of 1987)]. *Materialy polevykh etnograficheskikh issledovaniy* [Materials of field ethnographic studies], 1998, iss. 4, pp. 112–123. (In Russian).

Stanyukovich M. V., Fedorov R. V. [Urgent anthropological fieldwork in Southeast Asia. The North of Cambodia and the South of the Philippines]. *Kunstkamera*, 2018, no. 1, pp. 109–121. (In Russian).

Strigler F. *L'alimentation des Laotiens. Cuisine, recettes et traditions au Laos et en France*. Paris, 2011. (In French).

Vkus Evropy. Antropologicheskoye issledovaniye kul'tury pitaniya: Kollektivnaya monografiya [Taste of Europe. Anthropological study of food culture: Collective monograph]. Moscow: Kuchkovo pole; Museon Publ., 2020. (In Russian).

Vkus Vostoka. Gastronomicheskiye traditsii v istorii, kul'ture i religiyakh narodov Azii i Afriki [The Taste of the East. Gastronomic traditions in the history, in culture and in religion of the peoples of Asia and Africa]. Moscow: MGIMO-University Publ., 2018. (In Russian).

Vozchikov D. V. [Amok, Parrots and a magic tree: the world of Nusantara as described by a 15th c. Venetian merchant]. *Etnografiya*, 2019, no. 1 (3), pp. 73–98. (In Russian).

Williams C. L., Mazzola S. M., Curone G., Pastorino G. Q. What We Have Lost: Domestic Dogs of the Ancient South Pacific. *Annual Research & Review in Biology*, 2018, no. 25 (2). URL: https://www.researchgate.net/publication/323987560_What_We_Have_Lost_Domestic_Dogs_of_the_Ancient_South_Pacific (accessed: 25.12.2021). (In English).

Zhelvis V. I. [A human and a dog (the perception of the dog in different ethnocultural traditions)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1984, no. 3, pp. 135–143. (In Russian).

Submitted: 29.12.2021

Accepted: 20.01.2022

Article published: 01.04.2022